

4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of Dec. 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on Dec. 27, 2019, as amended on Jan. 30, 2020). *Rossiyskaya Gazeta*, no. 249, Dec.22, 2001. (In Russ.)
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on Dec. 12, 1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of Dec. 30, 2008, No. 6-FKZ, of Dec. 30, 2008, No. 7-FKZ, of Feb. 5, 2014, No. 2-FKZ, of 07/01/2020 No. 11-FKZ). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 31, art. 4398. (In Russ.)
6. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on Nov. 4, 1950) (as amended on June 24, 2013). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 2, art. 163. (In Russ.)
7. *Cassation ruling of the Moscow City Court of Dec. 1, 2010, No. 22-15476*. (In Russ.)
8. *On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Bunin Eduard Grigoryevich about the violation of his constitutional rights by a number of provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 29, 2019, No. 1231-O*. (In Russ.) URL: <http://www.consultant.ru>.
9. Rossinskaya E. R. , Galyashina E. I., Zinin A. M. *Theory of forensic science (Forensic expertology)*. Textbook. Ed. by E. R. Rossinskaya, 2nd ed., rev. and suppl. Moscow, Norma, INFRA-M, 2016. 367 p. (In Russ.)
10. Galyashina E. I., Golikova V. V., Dmitriev E. N. et al. *Forensic examination: typical mistakes*. Ed. by E. R. Rossinskaya. Moscow, Prospekt, 2012. 544 p. (In Russ.)
11. *Handbook of a judge: forensic examination*. Moscow, Prospekt, 2010. 464 p. (In Russ.)
12. *On forensic examination in criminal cases. On some issues in the practice of application of legislation on examination by arbitration courts: ruling of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Dec. 21, 2010, No. 28*. (In Russ.) URL: <http://www.consultant.ru>.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 03.07.2022; принята к публикации 10.07.2022.
The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 03.07.2022; accepted for publication 10.07.2022.

Научная статья
УДК 341.48; 343.34
DOI: 10.25683/VOLBI.2022.60.330

Anastasiya Konstantinovna Knyazkina
Candidate of Law, Associate professor,
Associate professor of the Department of Criminal law
and Criminology,
Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation
knyazkina_a@mail.ru

Elena Vladimirovna Silchenko
Candidate of Law, Associate professor,
Associate professor of the Department of Criminal law
and Criminology,
Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation
leka2003@inbox.ru

Анастасия Константиновна Князькина
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии,
Кубанский государственный университет
Краснодар, Российская Федерация
knyazkina_a@mail.ru

Елена Владимировна Сильченко
канд. юрид. наук,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии,
Кубанский государственный университет
Краснодар, Российская Федерация
leka2003@inbox.ru

ДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА ВО ВРЕМЕНИ

12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Аннотация. В статье исследуются некоторые проблемы темпорального действия международного уголовного права. В частности, в работе рассмотрен вопрос установления моментов начала и окончания действия международных договоров, который анализируется в двух аспектах: во-первых, применительно к самому международному договору в целом, а во-вторых, в отношении конкретного государства. При этом выделяются особенности, характерные для двух данных разновидностей действия международного договора.

Так, характеризуя темпоральное действие международного уголовного права в целом, авторы отмечают, что в международных договорах предусмотрено общее правило, что последние вступают в силу в соответствии с порядком и в дату, которые указаны непосредственно в договоре или

согласованы между государствами, которые участвовали в переговорах по его заключению. В то же время при определенных условиях договор или часть такого договора могут временно применяться и до того, как такой договор вступит в силу. Что касается вопроса вступления договора в силу для конкретного государства, то на международном уровне предусмотрено несколько вариантов выражения государством согласия на обязательность для него договора: подписание, обмен документами, ратификация, принятие, утверждение, присоединение или любой другой вариант, о котором достигнута договоренность. Как правило, международные договоры в уголовно-правовой сфере требуют ратификации.

Аналогичным образом авторы рассматривают вопросы прекращения действия договора. Кроме того, в статье

затрагиваются такие проблемные вопросы, как определение времени совершения лицом преступления, а также обратной силы норм международного уголовного права. Особое внимание авторами уделено сопоставительному анализу международных норм, характеризующих темпоральное действие международного уголовного права, и корреспонди-

рующим им норм российского уголовного закона.

Ключевые слова: международное уголовное право, действие во времени, вступление в силу, утрата силы, обратная сила, ратификация, ультраактивное действие, международный договор, уголовное законодательство, подписание, утверждение, присоединение

Для цитирования: Князькина А. К., Сильченко Е. В. Действие международного уголовного права во времени // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 3 (60). С. 234—238. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.60.330.

Original article

TEMPORAL VALIDITY OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

12.00.08 — Criminal law and criminology; criminal and penal law

Abstract. *The article explores some problems of temporal validity of international criminal law. In particular, the work considers the issue of establishing the moments of beginning and end of international treaties. This issue is analyzed in two aspects: firstly, in relation to the international treaty itself, and secondly, in relation to a particular state. At the same time, the characteristic features of these two varieties of the operation of an international treaty are highlighted.*

Characterizing the operation of international criminal law in time as a whole, the authors note that international treaties provide for a general rule that it enters into force in the manner and on the date provided for in the treaty itself or as agreed between the states participating in the negotiations, however, under certain conditions, the treaty or part of the treaty may be applied provisionally until the entry into force of the treaty. Regarding the entry into force of a treaty for a particular state, the consent of the state

to be bound by the treaty may be expressed by signature of the treaty, exchange of documents constituting the treaty, ratification of the treaty, its acceptance, approval, accession to it, or in any other way that agreed. As a rule, international treaties in the criminal law sphere require ratification.

Similarly, the authors consider the issues of termination of a treaty. In addition, the article touches on such problematic issues as determining the time of the offense, as well as the retroactive application of international criminal law. The authors pay special attention to a comparative analysis of international norms characterizing the temporal validity of international criminal law, and the correlating norms of Russian criminal law.

Keywords: *international criminal law, temporal validity, entry into force, loss of force, retroactive application, ratification, ultra-activity, international treaty, criminal law, signing, approval, accession*

For citation: Knyazkina A. K., Silchenko E. V. Temporal validity of international criminal law. *Business. Education. Law*, 2022, no. 3, pp. 234—238. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.60.330.

Введение

Вопрос установления темпоральных границ действия международного уголовного права имеет принципиально важное значение, ввиду того что в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные соглашения РФ представляют собой неотъемлемую часть ее правовой системы. Если международным договором РФ предусмотрены иные правила, чем установлены внутригосударственным законом, то применяются правила международного договора. Однако эти положения применимы лишь к тем международным договорам, которые вступили в силу для РФ, т. е. стали для нее обязательными. Поэтому рассмотрение названных вопросов является весьма **актуальным**.

Однако заявленная **проблема недостаточно изучена** ни в теории международного права в целом, ни в уголовно-правовой литературе. Некоторыми авторами изучены лишь частные аспекты обозначенной проблематики, в то же время всеобъемлющего и комплексного подхода к исследованию действия международного уголовного права во времени до сих пор не представлено.

Потому рассмотрение заявленных проблем, особенно с учетом двухаспектного авторского подхода, представляется весьма **целесообразным**.

Целью проводимого исследования является установление темпоральных границ действия международного уголовного права. Реализации заявленной цели способствует решение следующих **задач**:

– анализ темпоральных границ действия международного уголовного права в целом;

– установление таких границ применительно к конкретному государству.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе авторы используют новаторский подход к исследованию действия международного уголовного права в целом, не ограничиваясь только общими ориентирами, а исследуя заявленную проблему комплексно: как в отношении особенностей действия норм международного уголовного права во времени в целом, так и в отношении конкретного государства.

С учетом изложенного **теоретическая и практическая значимость** работы состоит в том, что предложенные авторами ориентиры будут способствовать правильному установлению темпоральных границ действия норм международного уголовного права. Кроме того, проведенный авторами сопоставительный анализ международных норм, характеризующих темпоральное действие международного уголовного права, и корреспондирующих им норм российского уголовного закона позволяет выявить соответствие между ними. Также выводы и предложения, представленные в статье, могут применяться в учебном процессе и дальнейших научных исследованиях по данной проблематике.

Основная часть

Согласно ст. 28 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (далее — Венской конвенции 1969 г.), положения договора становятся обязательными

для его участника лишь после даты вступления договора в силу, если иное не следует непосредственно из текста договора или не определено иным образом [1, с. 462]. Таким образом, в названной конвенции закреплено общее правило, в силу которого временные (темпоральные) границы действия любого нормативного положения устанавливаются с момента вступления его в силу и вплоть до утраты им таковой [2, с. 11].

Что касается специфики международного уголовного права, то здесь отправной точкой, от которой необходимо отсчитывать применение конкретной нормы, следует признавать *время совершения лицом преступления*. Так, согласно ч. 2 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., никакое лицо не может быть осуждено за совершенное преступление, если на момент совершения этого действия или бездействия таковые не имели нормативного закрепления в национальном законодательстве или нормах международного права. Аналогичный подход закреплен и в ч. 1 ст. 7 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Однако это правило имеет исключение, предусмотренное в ч. 2 ст. 7: названное положение не распространяется на случаи, когда то или иное действие или бездействие в момент его совершения признавалось преступным в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами. Такой же подход предусмотрен также в ч. 1 и 2 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.

Статья 11 Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. (далее — Статут) устанавливает, что суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений, совершенных после вступления в силу Статута. Однако, если какое-либо государство становится участником Статута после его вступления в силу, суд может осуществлять свою юрисдикцию лишь в отношении преступлений, совершенных после вступления в силу Статута для этого государства, если только это государство не сделает соответствующего заявления согласно п. 3 ст. 12, таким образом расширив юрисдикцию Статута за счет применения его ультраактивного действия. В то же время ст. 24 Статута прямо указывает на отсутствие обратной силы и непривлечение лица к уголовной ответственности за деяние, совершенное им до вступления Статута в силу.

В международном уголовном праве определение времени совершения преступления не содержится, однако оно дается в национальном законодательстве. Так, согласно ч. 2 ст. 9 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. В этой связи в специальной литературе отмечается, что данное положение является общим принципом права и носит универсальный характер [3, с. 48].

Порядок вступления в силу положений договора следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, применительно к договору в целом и, во-вторых, применительно к конкретному государству.

В ч. 1 ст. 24 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров предусмотрено *общее правило*, что последний вступает в силу в соответствии с порядком и в дату, которые указаны непосредственно в договоре или согласованы между государствами, которые участвовали в переговорах по его заключению [4, с. 93; 5, с. 35; 6, с. 101]. Если такие положения отсутствуют, акт вступит в силу после того, как все государства, которые участвовали в переговорах

по его заключению, выразят свое согласие на обязательность для них договора (ч. 2 ст. 24 Венской конвенции 1969 г.) [7, с. 108; 8, с. 88].

В то же время, согласно со ст. 25 названной конвенции, договор, часть такого договора могут временно применяться и до того, как такой договор вступит в силу [9, с. 164; 10, с. 26], если: а) это установлено непосредственно в тексте договора; б) государства, которые участвовали в переговорах по его заключению, иным образом достигли соглашения об этом. Если же в тексте международного акта нет соответствующих указаний о времени вступления договора в силу либо стороны, участвовавшие в переговорах по заключению такого договора, не достигли об этом соглашения, временное применение договора или части такого договора в отношении его стороны прекращается, если такое государство поставит в известность о своем намерении не становиться участником договора других участников, между которыми временно применяется договор [11, с. 136].

Что касается вступления договора в силу *для конкретного государства*, то в соответствии со ст. 11 Венской конвенции 1969 г. предусмотрено несколько вариантов выражения государством согласия на обязательность для него договора: подписание, обмен документами, ратификация, принятие, утверждение, присоединение или любой другой вариант, о котором достигнута договоренность [12, с. 47; 13, с. 134; 14, с. 94].

Как правило, международные договоры в уголовно-правовой сфере требуют *ратификации*, т. е. утверждения Федеральным Собранием РФ и подписания Президентом РФ. Дело в том, что ратификация международных договоров РФ, в силу положений ст. 14 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», осуществляется в форме федерального закона.

Следовательно, для того чтобы признать государство обязанным по конкретному международному договору, требуется, чтобы этот договор вступил в силу в целом и для конкретного государства в частности. Так, положения Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни от 28 апреля 1983 г. формально не являются обязательными для нашего государства, поскольку РФ только подписала его на основании Распоряжения Президента РФ от 27 февраля 1997 г. № 53-рп, но не ратифицировала его, хотя в целом названный протокол вступил в силу.

В свою очередь, Европейская конвенция о правонарушениях в отношении культурных ценностей от 23 июня 1985 г. не вступила в силу как таковая, поскольку условием этого, согласно Конвенции, являются три ратификации, а она не была ратифицирована ни одним из подписавших ее государств, т. е. здесь можно говорить о невступлении в силу договора в целом.

Согласно общему правилу, предусмотренному ст. 54 Венской конвенции 1969 г., договор может прекратить свое действие, а его участник — выйти из него: а) согласно условиям, предусмотренным сами договором; б) в любое время при наличии согласия всех сторон договора после согласования с остальными государствами. И здесь, опять же, надо различать прекращение действия договора в целом и прекращение его действия для конкретного государства.

Договор в целом может прекратить свое действие в силу ряда обстоятельств:

1) истечения срока действия договора, если он принимался на определенный срок. Например, Соглашение

между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 г. (в ред. Протокола от 18 января 2017 г.) (однако следует отметить, что в первоначальной редакции соглашение носило бессрочный характер и лишь Протоколом от 18 января 2017 г. в него были внесены изменения, согласно которым был установлен срок действия договора — 49 лет с возможной пролонгацией). Вместе с тем в этой связи нельзя не отметить, что Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г. по своей сути также является договором срочным. Однако предусмотренная в нем автоматическая пролонгация не позволяет ему утратить свою силу;

2) при замене одного договора другим (так, Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. заменена Кишиневской конвенцией с аналогичным наименованием от 7 октября 2002 г.).

Кроме того, международным правом предусмотрены случаи, когда договор может быть признан ничтожным (ст. 48—53 Венской конвенции 1969 г.), к числу которых относятся:

1) ошибка в договоре, которая касается факта или ситуации и существовала до заключения договора и повлияла на выражение согласия государства на заключение такого договора и принятие на себя обязательств по нему;

2) заключение договора под воздействием обмана, который был совершен другим участником переговоров по заключению такого договора;

3) подкуп представителя государства;

4) принуждение представителя государства;

5) принуждение государства посредством угрозы силой или ее применения;

6) противоречие договора в момент его заключения *jus cogens*, т. е. императивной норме общего международного права [15, с. 39].

Для конкретного государства договор утрачивает силу вследствие денонсации и выхода из него. При этом, согласно ст. 55 Венской конвенции 1969 г., многосторонний договор, если только в его тексте не предусмотрены иные положения, не прекращает своего действия только лишь по той причине, что уменьшилось число его участников, даже если оно уменьшилось настолько, что стало меньше количества, которое необходимо для вступления в силу договора.

В международном уголовном праве, как и в национальном праве многих государств, содержится исключение из общего правила действия норм во времени — случаи, когда нормы международного уголовного права имеют *обратную силу*, т. е. распространяются на общественно опасные деяния, совершенные до вступления такого акта в силу.

По общему правилу, нормы международного уголовного права не имеют обратной силы [16, с. 53], на это, в частности, указано в ч. 2 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 7 Конвенции СЕ о защите прав человека

и основных свобод 1950 г., ст. 13 Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г.

Согласно ч. 1 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., если после совершения лицом преступления закон был изменен и им установлено более мягкое наказание, действие такого закона будет распространяться на это лицо. Аналогичное положение об обратной силе закона, смягчающего наказание, зафиксировано в ст. 49 Хартии основных прав Европейского союза от 7 декабря 2000 г.

Статья 7 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. предусматривает обратную силу не только закона, смягчающего наказание, но и закона, устраняющего преступность деяния.

Специальные нормы, посвященные обратной силе, нашли отражение и в ч. 2 ст. 24 в Римском статуте международного уголовного суда: в случае внесения изменения в закон, применимый к данному делу до вынесения окончательного решения, применяется закон, более благоприятный для лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным. Таким образом, в данном случае речь идет о любом законе, улучшающем положение лица.

Сопоставляя положения о действии во времени корреспондирующих норм международного и российского уголовного права, можно сделать вывод, что они полностью соответствуют друг другу [17]. Так, ст. 9 УК РФ, посвященная действию уголовного закона во времени, целиком базируется на положениях международного уголовного права, а ст. 10 УК РФ содержит максимальную детализацию случаев, когда уголовный закон имеет обратную силу. Следует отметить, что ст. 9 и 10 УК РФ основаны также на ст. 11 и 12 Модельного Уголовного кодекса для государств — участников СНГ, принятого в качестве рекомендательного акта 17 февраля 1996 г.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование действия международного уголовного права во времени позволило прийти к следующим выводам.

Анализируя вопросы темпорального применения норм международного уголовного права, нельзя ограничиваться только международно-правовым или национальным аспектом исследования данного вопроса. Необходим комплексный подход, устанавливающий, с одной стороны, темпоральные границы действия норм международного договора как такового, а с другой — аналогичные параметры для конкретного государства. Использование только одного из двух названных критериев не позволит сделать верный вывод относительно временных границ действия конкретного международного договора, что повлечет за собой ошибки в его применении.

При сопоставлении же норм российского национального уголовного законодательства, характеризующего положения о действии во времени, с корреспондирующими нормами международного уголовного права, становится очевидным, что они идентичны и не требуют устранения неточностей и рассогласованности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Greig D. W. International Law. London, 1976.
2. Иванов С. Н. Действие во времени международных договоров и международных договорных норм : автореф дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982.
3. Иногамова-Хегай Л. В. Международное уголовное право. СПб., 2003.

4. Международное уголовное право / Под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. 4-е изд. М., 2019.
5. Талалаев А. Н. Право международных договоров: действие и применение договоров. М., 1985.
6. Анцилотти Д. Курс международного права. Т. 1. М., 1961.
7. Азимов Н. Б. Содержание и виды договорно-правовых обязательств РТ по имплементации норм международного права в национальное уголовное законодательство // Вестн. Таджикского нац. ун-та. 2012. № 3-2. С. 108—114.
8. Сорокина Н. Ю., Койчукулова Ж. Б. Некоторые проблемы имплементации норм международного права в законодательство Кыргызской Республики // Вестн. Кыргызско-Российского Славянского ун-та. 2021. Т. 21. № 3. С. 87—91.
9. Стаценко В. Г. Об особенностях механизма имплементации норм международного права в законодательство Республики Беларусь // Актуальные проблемы правового регулирования международных отношений / Отв. ред. В. С. Елисеев. Витебск, 2019. С. 163—167.
10. Международное уголовное право / Под общ. ред. А. В. Бриллиантова ; отв. ред. А. А. Арямов, Г. А. Русанов. М., 2022.
11. Кибальник А. Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. СПб., 2003.
12. Конысбай Б. М. Некоторые аспекты имплементации норм международного права в уголовное законодательство Республики Казахстан // Апробация. 2016. № 9(48). С. 47—49.
13. Бородич А. И. Имплементация международных договоров // Вестн. Акад. МВД Республики Беларусь. 2017. № 1(33). С. 133—136.
14. Фазилов Ф. Имплементация норм международного права в уголовное законодательство Республики Узбекистан // Вестн. юрид. наук. 2018. № 3. С. 92—95.
15. Миронов Н. В. Международное право: нормы и их юридическая сила. М., 1980.
16. Лукашук И. И. Действие международного уголовного права во времени и пространстве // Российский юридический журнал. 1998. № 1(17). С. 52—57.
17. Бараташвили Л. Н. Влияние норм международного права на формирование института действия уголовного закона во времени // Международное публичное и частное право. 2016. № 6. С. 35—38.

REFERENCES

1. Greig D. W. *International Law*. London, 1976.
2. Ivanov S. N. *Temporal validity of international treaties and international treaty norms. Abstract of diss. of the Cand. of Law*. Sverdlovsk, 1982. (In Russ.)
3. Inogamova-Khegay L. V. *International criminal law*. Saint Petersburg, 2003. (In Russ.)
4. *International criminal law*. Ed. by A. V. Naumov, A. G. Kibalnik. 4th ed. Moscow, 2019. (In Russ.)
5. Talalaev A. N. *Law of international treaties: operation and application of treaties*. Moscow, 1985. (In Russ.)
6. Anzilotti D. *The course of international law*. Vol. 1. Moscow, 1961. (In Russ.)
7. Azimov N. B. The content and types of legal obligations of the Republic of Tajikistan on the implementation of international law in national criminal law. *Vestnik Tadzhijskogo natsional'nogo universiteta*, 2012, no. 3-2, pp. 108—114. (In Russ.)
8. Sorokina N. Yu., Koychukulova Zh. B. Some problems of implementation of the norms of international law in the legislation of the Kyrgyz Republic. *Vestnik KRSU*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 87—91. (In Russ.)
9. Statsenko V. G. On the peculiarities of the mechanism for the implementation of the norms of international law in the legislation of the Republic of Belarus. In: *Actual problems of legal regulation of international relations*. Ed. by V. S. Eliseev. Vitebsk, 2019. Pp. 163—167. (In Russ.)
10. *International Criminal Law*. Under the general editorship of A. V. Brilliantov, ed. by A. A. Aryamov, G. A. Rusanov. Moscow, 2022. (In Russ.)
11. Kibal'nik A. G. *Contemporary international criminal law: concept, tasks and principles*. Saint Petersburg, 2003. (In Russ.)
12. Konysbay B. M. Some aspects of the implementation of the norms of international law in the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan. *Approbation*, 2016, no. 9, pp. 47—49. (In Russ.)
13. Borodich A. I. Implementation of international treaties. *Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.*, 2017, no. 1, pp. 133—136. (In Russ.)
14. Fazilov F. Implementation of the norms of international law in the criminal legislation of the Republic of Uzbekistan. *Review of Law Sciences*, 2018, no. 3, pp. 92—95. (In Russ.)
15. Mironov N. V. *International law: norms and their legal force*. Moscow, 1980. (In Russ.)
16. Lukashuk I. I. The temporal and spatial validity of international criminal law. *Russian Juridical Journal*, 1998, no. 1, pp. 52—57. (In Russ.)
17. Baratashvili L. N. Influence of norms of international law on the formation of the institution of temporal validity of the criminal law. *International public and private law*, 2016, no. 6, pp. 35—38. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.06.2022; одобрена после рецензирования 06.07.2022; принята к публикации 12.07.2022.
The article was submitted 24.06.2022; approved after reviewing 06.07.2022; accepted for publication 12.07.2022.